

Торговля в целом в Нью-Йорке больше напоминает русскую, нежели европейскую. Кавказской наружности латиноамериканцы пытаются «втюхать» что-нибудь раз в пять дороже, чем это должно стоить, заодно понося своих соотечественников из соседней аналогичной лавочки. Например, мне предлагали смарт-медиа-карту для камеры за 150 (!) долларов, затем говорили о

ЗДОРОВО, СУРОВЫЙ ШТАТ АЙОВА!

Продолжение.

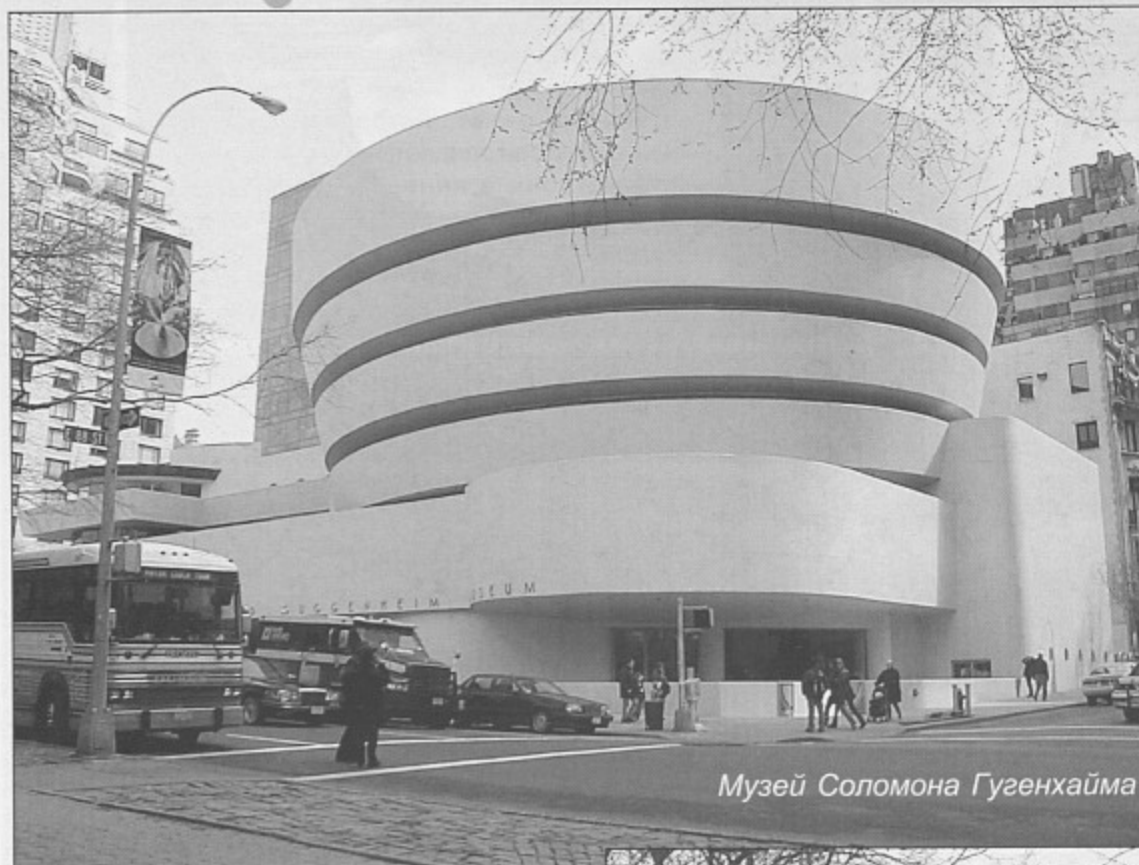
Начало смотрите в газете

«Педагогические весты» № 3 МАРТ 2002

главной фигуры искусства 20 века. Конечно, мне как русскому это должно быть

за маленькую игрушку пожалел. Но каково отношение американцев к своему флагу — гордость без официоза. Выставляют, вывешивают флаги США, своего штата перед своими домами, но без какого-то идолопоклонства. Можно ли представить себе, чтобы кто-нибудь по доброй воле вывесил наш флаг на своем балконе, и при этом мог бы еще и косынку из него сделать?

Однажды я ездил за сотню километров от Сидер-Фолса в Сидер-Репидс на открытие выставки работ моей японской соседки (на факультете наши мастерские смотрели друг на друга). Выставка как выставка, работ 6-7, но уже событие. Вернисаж отмечался вместе с еще двумя художниками. Одного можно назвать умельцем — он выточил из дерева довольно забавные большие сюрреалистические-сантехнические композиции (некоторые действительно представляют собой увеличенные модели наших изощрений по поводу горяче-холодных подводок с фановым



Музей Соломона Гугенхайма

значительной скидке, снижая цену сначала до 100, а затем до 50 долларов. Но я такую же карту купил в Миннеаполисе за 34 доллара, а в Сент-Луисе - за 29 «зеленых». В Манхэттене ужасно дорогие продукты: хлеб от полутора до 4 долларов, сигареты стоят 4-5 долларов.

Один раз сходил в Музей Соломона Гугенхайма, который находится на той же Пятой авеню, что и Метрополитен музей. Наверное, я стал слишком старым, утратив способность к приятию нового. Но этот музей, расположенный в шедевре мировой архитектуры 20-го века (спиралевидное здание, архитектор Ф.-Л. Райт, 1950-е гг.) и обладающий многими шедеврами (например, там замечательный Сезанн), приводит в конце концептуально выстроенной экспозиции к логическому завершению — тупику, по-английски «dead end» — мертвый конец (что еще больше подходит). То пустой холст, то моток какой-то проволоки, даже опусы Уорхолла или Раушенберга вызывают вопрос о том, каким должен быть следующий шаг в этом направлении. Осознание любого бытового предмета, включая содержимое помойки, в качестве эстетической ценности неминуемо приводит в этом контексте к отрицанию искусства. Мне представляется натяжкой и то, что экспозиция музея Гугенхайма построена таким образом, чтобы показать В.В.Кандинского в качестве



Русские борзые в Централ - парке Нью - Йорка

приятно: «русский — главный в мире», но он больше был связан, я думаю, с немецким искусством. Да и к тому же для меня Матисс или Пикассо более важные фигуры в мировом искусстве 20 века, а если говорить о беспредметничестве, то Малевич должен быть признан фигурой ничуть не меньшей, чем Кандинский.

Видел в аэропорту Сент-Луиса замечательного слона цветов американского флага, однако 7 «зеленых»

солированием-доминированием). Работу еще одного «художника» я признал только тогда, когда заметил примерно через час причмокивание-прицокивание поклонников и понял, что перевернутые стулья, в беспорядке оказавшиеся не только на полу, но и где-то на верхней полке, являются вовсе не пред- или послеремонтным хаосом, а концептуально-организованным пространство-действием. Пожалуй, самое интересное было потом. Представьте, где

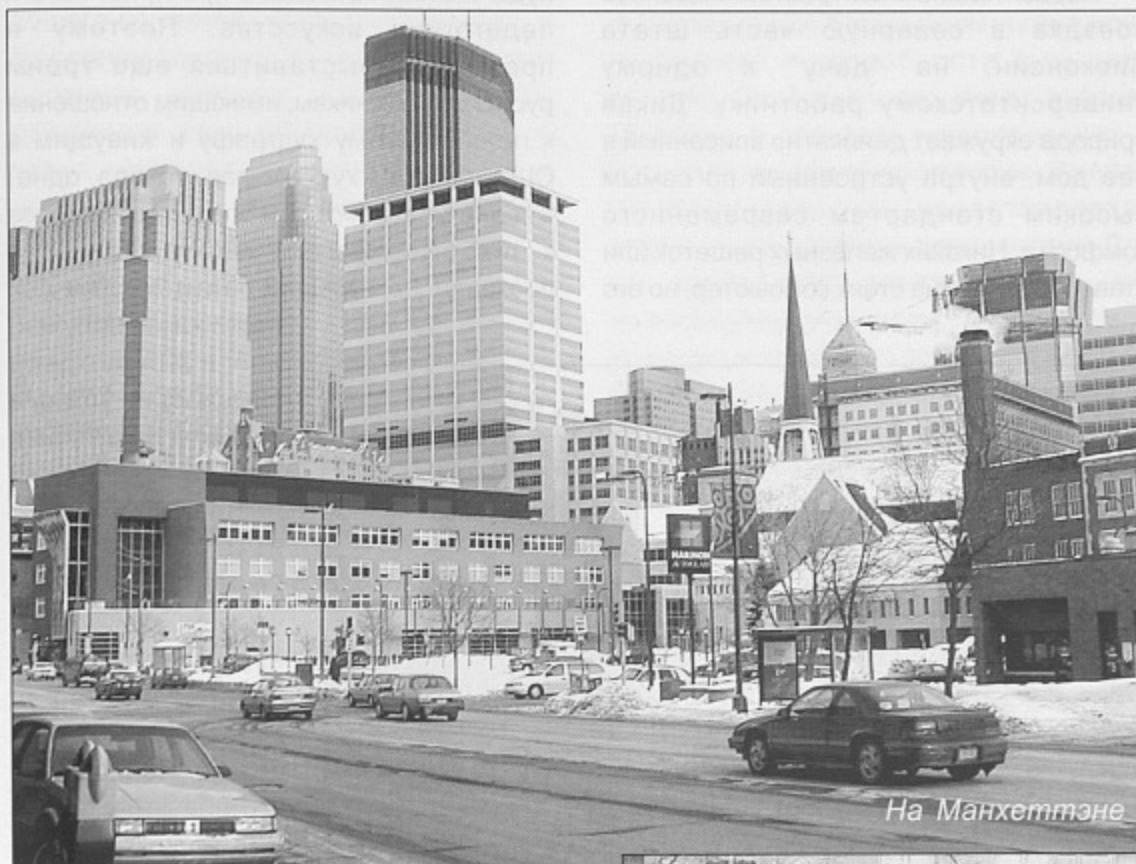
то в самой середине Штатов русский с двумя японками ест голубцы в чешском ресторане. А пригласила нас в этот ресторан японо-американская пара, которая никогда не была в Европе, но мечтает посетить норвежские фьорды и сравнить их с Аляской и Новой Зеландией — они любят эти места.

В апреле 2001 года мне довелось познакомиться с Ханной Базилински.

Константин Кубланов (сокурсник А.П.Боркова). Он преподавал в одной из хороших школ в Петербурге и успел приобрести определенный авторитет среди достаточно маститых коллег-художников. Но в Петербурге его терзала астма, и ему пришлось подыскивать место с более сухим и теплым климатом. Теперь Костя живет в Сент-Луисе, где приступы астмы прекратились. Сент-Луис — самый

Вода Миссиссиппи мутная, желтая, но на ней немало замечательно красивых мест со скалистыми известняковыми берегами, нависающими над дорогой, проложенной вдоль воды. Там, где обрывы чуть отступают от самой реки, нередко можно увидеть крохотные городки с домами типичной для Среднего Запада Америки архитектуры.

Когда мы выезжали из Айовы, зелень на деревьях и кустах еще только-только начала пробиваться. В Миссури все уже было покрыто молодой, нежной, но уже густой листвой. На фоне такой желтовато-зеленой листвы почти неестественно, хотя и очень нарядно, выглядят какие-то цветущие деревья цвета кармина. А кроме того, цветы на земле (тюльпаны и подснежники) и на деревьях: яблонях, вишнях и чем-то еще, мною дотоле невиданном. Если для Айовы характерны совсем невысокие холмы, точнее, всхолмленные поля, то в Миссури, говоря казенным языком, резкопересеченная местность. Очень высокие холмы с кое-где проглядывающими полосатыми известняками и глубокие овраги, реки и ручьи, меньше распаханых полей, зато к югу от Сент-Луиса есть виноградники, расчертившие склоны высоких холмов. На одном из таких холмов мы пили с Костей очень вкусное молодое вино, которое, как



Польскую фамилию она приобрела от мужа, американца во втором поколении, а ее предки переселились в Пенсильванию почти четыре века назад, в первой половине XVII века. Ханна хранит память своей семьи. Она показывала нам семейную Библию, на вклеенных листах которой записаны даты рождения и смерти ее родственников, начиная с 1780-х годов. А мы часто отказываем американцам в знании истории, в отсутствии корней. Сама Ханна занимается детской книгой (пишет тексты и делает рисунки к ним). Кроме одной своей книги, очень хорошо придуманной и с большой культурой исполненной, Ханна показывала нам свои любимые детские книжки, и наши вкусы полностью совпали. Эти книжки совсем не соответствуют нашим типичным представлениям об американской культуре, в них нет ничего, что напоминало бы комиксо-мультяшные образы. Ханна рассказала мне, что в Америке, подобно некоторым другим странам, есть Ассоциация писателей и иллюстраторов детской книги. Было бы неплохо попробовать организовать что-то подобное в Петербурге. Объединившись, легче держать уровень, достигнутый нашими замечательными предшественниками.

В середине апреля мне довелось съездить на машине в Сент-Луис и Чикаго. За мной приехал наш бывший студент



большой город соседнего с Айовой штата со знакомым с детства названием Миссури (помните песню Новеллы Матвеевой «О, Миссури-Миссури?»). Стоит город у слияния реки под таким названием с другой, еще более знакомой — Миссиссиппи (так, с удвоенными гласными, это пишется по-английски). Кстати, по пути из Сидер-Фолса в Сент-Луис мы проезжали город Ганнибал, где родился Марк Твен.

нам сказала продавщица, часто заказывают бывшие европейцы, потому что оно напоминает им родину. Вино было белое, хотя по вкусу очень напоминало хорошую Изабеллу. Так что поездка была замечательной. В компании хороших знакомых, без языковых мучений, я побывал в разных живописных местах, посмотрел множество шедевров мирового уровня в музеях Сент-Луиса и Чикаго.

Но тем не менее впечатления отнюдь не только лучезарные. Русские тоскуют. Костю Кубланова спасают регулярные занятия живописью, но он мучается из-за отсутствия среды, от творческого одиночества. Часто поверх хорошей живописи пишет что-то новое. По словам его очень симпатичной жены, умеющей чувствовать искусство и умеющей отличать хорошее от плохого (хотя она по образованию медсестра, а не художник), он вместо 40 с небольшим картин мог бы показать больше сотни, но они им записаны. А вот другой русский, работавший художником-постановщиком в Ижевском драмтеатре, от невозможности как-то реализовать себя в искусстве, от одуряюще-занудной работы пытался покончить с собой. У него хороший дом, какой он ни за что не смог бы получить в России, хорошие машины для него и жены, приличный достаток, но вместо творческой, почетной и очень ответственной работы в театре он, как и Костя, по десять часов кряду выполняет технические чертежи на компьютере (этим же занимаются бывшие русские инженеры, но тоже безо всякой изобретательности и творчества). Работа такая, что все постоянно засыпают, и менеджеру приходится поочередно будить своих чер-

тежников любой национальности. Костин приятель работает с утра, а у Кости вторая смена - с 4 часов дня до 3 часов ночи.

Мне показался очень красивым Чикаго. Еще не так давно это был второй по величине город США (после Нью-Йорка). Теперь их обоих обошел Лос-Анжелес. В отличие от Нью-Йорка, где довольно равномерная стена небоскребов нависает над Сентрал-парком, здесь ритм высотных домов гораздо более прихотлив, а улицы шире. На панораму можно посмотреть с полуострова, который вдается в воды громадного озера Мичиган. Не очень далеко от центра с его доминантами, среди которых самый высокий дом Америки, расположен университетский район, по моим представлениям, похожий на "старую добрую" Англию. Во всяком случае, один в прошлом русский профессор (Серман), дочь которого (Нина Ставиская) живет в Британии и работает на BBC, бывал в том же доме, где останавливались мы, и говорил хозяйке о сходстве со старой

доброй Англией. Хозяйка дважды бывала в Ленинграде, подружилась с моей покойной тещей Ганной Александровной Константиновской и вела с ней переписку, так что нас встретила почти как старых знакомых. Жаль, провел я в Чикаго только полтора дня, так что далеко не все удалось посмотреть. К тому же много времени мы потеряли в регулярных поисках парковки — это действительно серьезная проблема.

Поразительным контрастом оказалась поездка в северную часть штата Висконсин, на "дачу" к одному университетскому работнику. Дикая природа окружает деликатно вписанный в нее дом, внутри устроенный по самым высоким стандартам современного комфорта. Никаких железных решеток или ставен. Возле окна стоит компьютер, но его

горожан построен не крутыми бизнесменами, а врачом и университетским работником на трудовые деньги.

Во второй половине апреля мне удалось показать на факультете искусства часть того, что я нарисовал и написал в Америке. Это был своего рода один из итогов моего пребывания в Университете Северной Айовы. Я посчитал целесообразным сделать ее не просто художественной акцией, а привязать к педагогике искусства. Поэтому я предложил выставиться еще трем русским художникам, имеющим отношение к герценовскому худграфу и живущим в США. Один из художников (точнее, одна) живет в Сидер-Фолсе и большого интереса к некоммерческому мероприятию не проявила. Да и уровень ее художественной

подготовки, полученной в Краснодаре (затем один год она числилась в аспирантуре кафедры художественной культуры РГПУ им. А.И. Герцена), не таков, чтобы способствовать повышению авторитета нашей художественной школы. Но заметим, что при этом в коммерческом отношении она является самым успешным тамозним художником. Еще одна художница, выпускница нашего факультета, живет в Милуоки, т.е. часах в пяти-шести езды от Сидер-Фолса, и такая выставка показалась



Город Ватерлоо в штате Айова

никто не собирается красть. Конечно, и там есть свои сложности — кроме травы трудно выращивать что-либо культурное: поедают олени. Они, например, очень любят тюльпаны. Так что соседство медведей и волков, не говоря уж о зайцах, белках и прочей пушистой живности, по доставляемым неприятностям не идет ни в какое сравнение с оленями. Мне, правда, еще не дал спать дятел, который не только долбил дерево возле окна, но и из самого окна что-то пробовал выковырять. Еще одна проблема — трудно говорить, когда человеческую речь заглушает пение лягушек. Они на самом деле не квакают, а поют, как птицы.

Дом этот построен на частной земле, но хозяева подчинены очень строгим законам по охране окружающей среды. Они не могли начать строительство, пока утки на их участке не закончили высидывать птенцов. И еще что удивительно, этот предел мечтаний большинства наших сельскохозяйственно-озабоченных

ей слишком накладной. Так что остались мы вдвоем с Константином Кублановым.

Наша выставка была устроена в коридоре факультета искусства, что сначала мне казалось не очень солидным, но на самом деле это хорошее место для экспозиции, особенно, если стремиться «идти в народ». Перед этим там висели литографии из постоянной коллекции университета: Ренуар, Домье, Одилон Редон, Генри Мур, Северини, Пикассо, Андрэ Дерэн и еще кто-то. Кроме того, там была очень приличная выставка офортов из Польши. Выставка не то чтобы прошла с успехом, но по крайней мере ее смотрели и мне говорили комплименты. В отличие от России, в Америке, или во всяком случае в Университете Северной Айовы, принято внимательно рассматривать и обсуждать с автором его работы. Один из профессоров факультета позвал меня, чтобы сказать хоть пару слов о каждой моей картинке.

Думаю, американские педагоги на

факультете искусства от русских коллег ничего особого не ждали, скорее поначалу были не против, чтобы я побыл у них в качестве студента – но не более. Здесь все приветливы, однако надо пробиваться и самоутверждаться, сохраняя максимальную деликатность. Этой деликатности, думаю, очень способствует то, что не приходится притворяться, когда говоришь, что почти все очень нравится. Я действительно нашел очень много общего со своими коллегами. Правда, и на родном-то языке трудно выразить все сложные чувства, которые здесь рождаются, ведь приходится говорить о таких неопределенных вещах, как искусство. С пониманием устной речи улучшение кое-какое, конечно, произошло, но далеко не всегда я понимал американцев даже спустя 3-4 месяца после приезда. Как мне показалось, в Нью-Йорке я лучше схватывал речь тамошних жителей, а в Айове часто говорят очень быстро с не очень четкой дикцией. Плюс смягчение-озвончение «Т» между гласными — получается почти как «Д» и т.д. Конечно, легче понимать университетских преподавателей, но где-нибудь на улице могут возникнуть проблемы. Тем не менее на факультете искусства, думаю, мне удалось заработать авторитет. Этому способствовала практическая работа — рисование и

писание на людях, особенно создание портретов. Мне удалось-таки заинтересовать американских коллег не только разговорами в коридорах, они стали приглашать меня провести какие-нибудь занятия: то рисунок, то показ слайдов о России и т.д. Нередко после лекции, если присутствовали педагоги, я получал приглашение повторить ее где-нибудь еще (то на другом факультете, то в церковной общине неподалеку), что, наверное, свидетельствует о приличном уровне моих сообщений и способности вызывать интерес. Здесь неплохо знают русский авангард в станковых проявлениях и немного слышали об архитектуре. Изнутри наша культура нам представляется выстроенной с другими доминантами. Для нас детская книга все-таки важнее, чем авангардная живопись. Для мировой культуры необходимо осознание величия такого явления, как советская книжная графика, а также уровень нашей художественной школы.

А еще хочется сказать несколько слов об удивительном человеке, благодаря личным усилиям которого стали возможны такие активные контакты между нашими университетами. Это Тим О'Коннор, возглавляющий международный отдел Университета Северной Айовы. Выпускник Московского университета, историк-русист, он бывает по несколько раз в год в

России и прекрасно знает наши, мягко говоря, особенности. И тем не менее он искренне любит Россию и хочет заразить этой любовью своих соотечественников. Ему удалось создать команду своих единомышленников, важную роль среди которых играет Холли Крэнделл, координатор русских программ. Ее деятельную заботу чувствуют все русские: и студенты, и педагоги. При всей своей любви к России Тим и Холли делают для Америки и ее безопасности больше, чем многие политики. Благодаря им все больше университетских педагогов, а через них и молодых людей в России проникаются теплым чувством к Америке. А ведь прежде мы воспринимали эту страну как носителя чуждых нам ценностей, идеалов со знаком «-». Теперь мне кажется, что представления наших родных богачей-торгашей и, к сожалению, их представителей в органах власти гораздо более чужды нашей культуре, чем идеалы наших заокеанских коллег.

Александр МАЖУГА
доцент кафедры рисунка,
член Союза художников

*Все фотографии
выполнены А.МАЖУГОЙ*



Панорама Чикаго